

«... Я пишу не сказку, а быль»

ИННА ЗУБОВА

Владимир Иванович Даль приехал в Оренбург в качестве чиновника особых поручений при новом военном губернаторе В.А. Перовском в 1833 г. Одно из его лучших художественных произведений появилось в печати в журнале "Библиотека для чтения" через три года. Это повесть "Бикей и Мауляна" - первое в русской литературе произведение о жизни казахов, называвшихся тогда киргизами или киргиз-кайсаками.

Повесть эта и в наши дни остается, пожалуй, самым известным и популярным произведением Даля-писателя, и главная причина этого - в ее достоверности. Сам Даль так писал об этом:

"Скажу... о рассказе моем... вот что: не только все главные черты его взяты с подлинного, бывалого дела, но мне не было даже никакой нужды придумывать ни одного побочного обстоятельства, вплетать какую-либо выдумку; все происшествие рассказано так, как было, и было в точности так, как рассказано". "Я пишу не сказку, а быль", - не раз напоминает Даль читателю по ходу повествования.

В повести описана трагедия, разыгравшаяся в семействе аксакала Исянгильды Янмурзина - одного из старшин богатого казахского рода, известного миролюбием и спокойствием в сосуществовании с уральскими казаками. У старшины было три жены и много детей. Одну из дочерей от первого брака просватали и получили за нее калым, но она умерла, не успев выйти замуж. Нужно было вернуть калым или отдать жениху другую невесту, а у первой жены Исянгильды взрослых дочерей больше не было. Тогда она уговорила мужа отдать дочь от его умершей к тому времени второй жены. Таким образом, как пишет Даль, "отдали птенца из второго гнезда, а калым за него остался в первом". Родных братьев и сестер девушки при этом не только ограбили. Для них было позором то, что сестру фактически выдали замуж без калыма, "как рабыню или неверную". И когда повзрослел ее брат Бикей, он восстал против несправедливости отца, стал требовать, чтобы имущество, полученное когда-то в виде калыма, было отдано ему и другим детям его матери.

"Старик Исянгильды, слывший мудрым и справедливым, когда судил и рядил чужую расправу, в собственном своем деле погрешил и покривил, а потом уже сознаться и исправить беды не хотел", - пишет Даль. Между отцом и сыном возникла вражда, причем на стороне отца, разумеется, были его сыновья от первого брака. Однажды во время очередной ссоры отец потребовал непокорного сына к себе. За Бикеем поскакали старшие братья и убили его, поскольку он не хотел ехать с ними. Когда же известие о происшествии дошло до Оренбургской пограничной комиссии, убийцы объясняли, что Бикей, пытаясь ускакать от них, упал со споткнувшейся лошади и случайно нанес себе смертельную рану собственной саблей.

Даль рассказывает о том, как расследовалось это дело, и о том, в каком затруднительном положении было руководство края. Недопустимо было как полное бездействие, так и слишком суровое отношение к подозреваемым. Решено было принять следующие меры: старшине Исянгильды и его родственникам объявить, что они состоят под подозрением в убийстве и предложить им доказать свою невиновность. До этого отрешить старшину от должности дистанционного начальника над линейными киргизами четвертой дистанции. Предписать султану-правителю надзор за поведением подозреваемых и покровительство семейству Бикея.

Это было единственно возможное решение, которое, конечно, не могло остановить начавшейся семейной вражды.

Жена Бикея, красавица Мауляна, вышедшая за него замуж по любви и собственной воле, ненадолго пережила его. "Она... умерла от оспы летом 1832 года, менее года после убиения мужа, на 22-м году от рождения своего", - такими словами Даль закончил свою повесть.

В Государственном Архиве Оренбургской области хранится дело "Об убийстве старшиною Исянгильды Янмурзиным сына своего Бикея". Познакомившись с ним, нетрудно убедиться, что Даль и в самом деле описал реальный случай, что документы, лежащие в этой папке, действительно дали ему такой сюжет, для которого уже не было необходимости ничего придумывать. В 1937 или 1939 г. кто-то из работавших в нашем архиве ученых написал на обложке: "Настоящее дело послужило темой для написания Далем повести "Бикей и Мауляна".

Большинство документов представляют собой деловую переписку председателя Оренбургской пограничной комиссии Григория Федоровича Генса и военного губернатора Павла Петровича Сухтелена (род. 23.08.1788, ум. 20.03.1833, оренбургский военный губернатор с 1830 по 1833 гг.).

Г.Ф.Генс (1787-1845) - один из замечательных людей Оренбургского края, куда он был откомандирован из Петербурга в 1807 г. Должность председателя Оренбургской пограничной комиссии он занимал с 1825 по 1844 гг.

В первом своем рапорте по делу Бикея от 22 сентября 1831 г. Генс сообщает, что трагедия случилась, вероятно, 5-го сентября. 11-го числа о ней сообщил в Оренбургскую пограничную комиссию полковник Покатилов, управляющий Уральским войском, сообщил, сам еще не веря, что подобное могло случиться. Однако слухи об убийстве уже дошли до Генса и через казахов, приезжающих в Оренбург.

Три следующих рапорта - от 1 октября, 2 ноября и 6 ноября - содержат подробности, которые удалось узнать в ходе расследования. Здесь можно прочитать о том, как поступил Исянгильды, узнав о смерти Бикея. Отец пришел в ужас и решил, что, потеряв одного сына, он должен спасти остальных. Он "разрезал у умирающего сына грудь и окровавленную руку поднес к губам, объявляя предстоявшим, что ненависть их к умершему удовлетворена, но чтобы они не беспокоились о последствиях, ибо он сам сделался убийцею сына и должен ответствовать за все". Этот эпизод в документе, пожалуй, выглядит страшнее, чем в повести. Описывая его, Даль немного смягчил краски.

В документах подробно пересказываются показания Исянгильды Янмурзина. Отец говорит об убитом сыне как о своем враге и обидчике, утверждает, что Бикей похищал у родственников лошадей и баранов, грозил отцу, ругал его, а однажды вообще чуть не убил. Старик также настаивал на том, что сын нечаянно убился сам. Жена же Бикея утверждала, что все это клевета и что муж ее убит братьями. Проверить показания было невозможно. Даже освидетельствовать убитого не удалось: тело было захоронено к моменту, когда на место происшествия приехали присланные для расследования.

Все случившееся вызвало большую тревогу в Оренбургской пограничной комиссии. "Старшина Исянгильды Янмурзин, - пишет Г.Ф. Генс, - есть богатейший из оренбургских киргизов и Асановское отделение Танинского рода, им управляемое, отличается благосостоянием и спокойствием... Преследование на основании законов подозреваемых по сему делу людей встревожит не только 88-летнего старца Исянгильды, но и всех детей и богатых родственников его, которые принуждены будут откочевать от линии в степь.., присоединиться к шайке мятежников Каип-Галия, которою они по богатству их будут приняты с усердием. Естественно, что таковое усиление сей шайки... причинит беспорядки на линии".

С другой стороны, председатель Оренбургской пограничной комиссии обращает внимание военного губернатора на то, что в этом деле "беззащитная женщина.., не имеющая ни свидетелей, ни в распоряжении своем имения" противостоит богатой семье с крепкими связями. "Таковая безуспешность следствия, - подчеркивает Генс, - была бы крайне невыгодна, ибо народ, наверное, полагал бы, что виновные оправдались посредством подкупа свидетелей".

О том, что и военный губернатор весьма серьезно отнесся к происшедшему, говорят его пометки на документах и то, что 11 ноября 1831 г. он подробно изложил все обстоятельства дела в рапорте министру иностранных дел К.К. Родофиникину.

В последних двух небольших документах дела упоминается Мауляна, которая после гибели мужа находилась под опекой султана-правителя Баймухамеда Айчувакова. Он и добивался от Исянгильды Янмурзина, чтобы тот выделил ей определенную часть имущества. Г.Ф. Генс и П.П. Сухтелен, как следует из документов, следили за тем, чтобы это было исполнено.

В самом последнем документе упоминается также "вторая жена" Бикея, которой считалась "малолетняя девица, сестра умершей по уплате калыма невесты Бикея, которая по обычаям киргизов долженствовала заместить умершую". В повести Даля о ней ничего не сказано, но говорится о том, что Бикей женился против родительской воли и что была у него до Мауляны невеста Дамиля. Семейство получило за нее калым и не хотело его возвращать, поэтому отец требовал, чтобы Бикей взял вторую жену, но сын не соглашался, потому что никто, кроме любимой Мауляны ему не был нужен. "И там, за Яиком.., прорывается иногда это влечение, это чувство, которое уносит человека далеко, далеко выше всех известных нам созданий", - говорит Даль по этому поводу. - Иногда... в кои веки раз, так же точно, как и у нас".

Читая повесть, мы видим, что Даль пользовался этим архивным делом. Местами он пересказывает и даже цитирует некоторые его документы. Однако основой для повести послужило не только дело. События, описанные в этом и других "оренбургских" произведениях Даля, были известны ему и со слов очевидцев. Он приехал в Оренбург, когда история Бикея и Мауляны была еще свежа в памяти, и ему могли рассказать о ней сослуживцы, в первую очередь Г.Ф. Генс и атаман Уральского казачьего войска В.О.Покатилов (ум. 23.12.1838). Но, несомненно, множество подробностей Даль узнавал и от людей, близких его героям, поскольку его связывали с ними самые добрые отношения.

"Султан Кусяб Гали, старшина одной из дистанций понизовых кайсаков, принадлежащих к западной части орды султана-правителя Баймухамеда Айчувакова, сидит сейчас у меня.., - пишет Даль в первой главе своей повести. - Хочу пересказать вам то, что султан Кусяб много говорил о причинах глубокой вражды отца и сына; а султан Кусяб женат на родной сестре Бикея.., следовательно, дело ему известно".

Из таких вот бесед узнал Даль то, о чем не могли рассказать документы. Очевидцы говорили ему обо всех событиях, имевших такой трагический конец, от них же он узнал, каким на самом деле был Бикей - веселый, несколько легкомысленный, бесшабашный и смелый юноша, человек широкой души. Он "был любим русским начальством за прямоту, бойкий ум и какой-то вид образованности", он дружил с уральскими казаками и нередко оказывал им разные услуги. Это подтверждают и документы. Даль ссылается на другое дело из архива канцелярии Оренбургского генерал-губернатора, связанное с русскими пленниками в Хиве. Бикей доставил в Оренбург письмо от этих пленников, переданное через кочующих за Сыр-Дарьей казахов, и был за это награжден по распоряжению военного губернатора.

Даль начал писать повесть еще в 1833 году, то есть сразу после своего приезда в Оренбург. Можно только удивляться, как удалось ему за такой короткий срок так глубоко понять живущих здесь людей, настолько проникнуть в психологию народа, отнестись к нему без снисходительности, с уважением и пониманием как самых высоких чувств и устремлений человека, так и самого низменного в нем.

Повесть заканчивается рассказом о приятеле автора. От него Даль узнал, как умирала, повторяя имя Бикея, легендарная красавица Мауляна. Это был свидетель ее смерти, бесстрашный человек, который не боялся подходить к больным оспой, брошенным соплеменниками в степи из страха перед заразой, разговаривать с ними, облегчать страдания умиравших. Ему посвящена почти целая страница.

"У меня есть в Оренбурге товарищ, знакомый, близкий человек, которого я крайне люблю и уважаю... Человек, который невзирая ни на чин, ни на место, ни на звание, кричит вслух.., что такой-то вор, а такой-то плут, а такой-то мошенник..; он всю степь, вдоль и поперек, прошел один... Он выучился азиатским языкам, знается и братается со всеми нехристями, так что мы его зовем татарином, хотя и мусульмане еще его бранят кяфыром. Я слышал сам, как русские называли его поляком, и слышал, как поляки честили его москалем...", - говорит Даль об отваге, честности, принципиальности друга, о его любознательности, образованности, любви к путешествиям, знакомстве со степью и степняками, указывает на самую яркую личность среди оренбургских поляков - Ивана Викторовича Виткевича (1799-1839). Это был один из первых людей, с которыми Даль столкнулся по приезде в Оренбург. И, несомненно, это был один из тех, кто помог Далю в его этнографических исследованиях и в том глубоком понимании людей, благодаря которому и родились повести "Бикей и Мауляна", "Майна", "Осколок льду", "Башкирская русалка" и другие.

